

Н. ГУМИЛЕВЪ

ЧУЖОЕ
НЕБО

третья книга
стиховъ

ИЗДАНИЕ

“АПОЛЛОНА”

Н. ГУМИЛЕВЪ ЧУЖОЕ НЕБО 3

Александръ Александрову Трубецкому
с искреннимъ дружествомъ его

Н. Гумилевъ

Н. ГУМИЛЕВЪ

ЧУЖОЕ НЕБО

ПРЕПЪЯ КНИГА СТИХОВЪ

ИЗДАНИЕ
«АПОЛЛОНА»

С-ПЕТЕРБУРГЪ

1912

120925

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. (Герольдъ),
Изм. п., 7 рота, 26.

I

АНГЕЛЬ-ХРАНИТЕЛЬ

Онъ мнѣ шепчетъ: „своевольный,
Что ты такъ уныль?
Иль о жизни прежней, вольной,
Тайно загрустилъ?

„Полно! Развѣ всплески, рѣчи
Сумрачныхъ морей
Стоять самой краткой встрѣчи
Съ госпожей твоей?

„Такъ ли съ сердца бремя снять
Голубой просторъ,
Какъ она, когда подниметъ
На тебя свой взоръ?

„Ты воленъ предаться гнѣву,
Коль она молчитъ,
Но покинуть королеву
Для вассала — стыдъ“.

Такъ и ночью молчаливой,
Днемъ и поутру
Онъ стоитъ краснорѣчивый
За свою сестру.

ДВѢ РОЗЫ

Передъ воротами Эдема
Двѣ розы пышно расцвѣли,
Но роза — страстности эмблема,
А страстность — дѣтище земли.

Одна такъ нѣжно розовѣетъ,
Какъ дѣва, милымъ смущена,
Другая, пурпурная, рдѣетъ,
Огнемъ любви обожжена.

А обѣ на Порогѣ Знанья...
Ужель Всевышній такъ судилъ
И тайну страстнаго сгоранья
Къ небеснымъ тайнамъ приобщилъ?!

ДѢВУШКѢ

Мнѣ не нравится томность
Вашихъ скрешенныхъ рукъ,
И спокойная скромность,
И стыдливый испугъ.

Героиня романовъ Тургенева,
Вы надменны, нѣжны и чисты,
Въ васъ такъ много безбурно-осенняго
Отъ аллеи, гдѣ кружатъ листы.

Никогда ничему не повѣрите,
Прежде чѣмъ не сочтете, не смѣрите,
Никогда никуда не пойдете,
Коль на картѣ путей не найдете.

И вамъ чуждъ тотъ безумный охотникъ,
Что, взойдя на нагую скалу,
Въ пьяномъ счастьеѣ, въ тоскѣ безотчетной
Прямо въ солнце пускаетъ стрѣлу.

НА МОРЪ

Закать. Какъ змѣи, волны гнутся,
Уже безъ гнѣвныхъ гребешковъ,
Но не бѣгутъ онѣ коснуться
Непобѣдимыхъ береговъ.

И только издали добредшій
Бурунъ, повѣрившій во мглу,
Внесется, буйный сумасшедшій,
На глянцевитую скалу

И лопнетъ съ гиканьемъ и рѣвомъ,
Подбросивъ къ небу пѣнный клокъ...
Но весель въ морѣ бирюзовомъ
Съ латинскимъ парусомъ челнокъ;

И загорѣлый кормчій ловокъ,
Дыша волной растущей мглы
И, отъ натянутыхъ веревокъ,
Бодрящимъ запахомъ смолы.

СОМНѢНІЕ

Вотъ я одинъ въ вечерній тихій часъ,
Я буду думать лишь о васъ, о васъ.

Возьмусь за книгу, но прочтѹ: „она“,
И вновь душа пьяна и смятена.

Я брошусь на скрипучую кровать,
Подушка жжетъ... нѣтъ, мнѣ не спать, а ждать.

И крадучись я подойду къ окну,
На дымный лугъ взгляну и на луну,

Вонъ тамъ, у клумбъ, вы мнѣ сказали „да“,
О это „да“ со мною навсегда.

И вдругъ сознанье бросить мнѣ въ отвѣтъ,
Что васъ, покорной, не было и нѣтъ,

Что ваше „да“, вашъ трепеть, у сосны
Вашъ поцѣлуй — лишь бредъ весны и сны.

СОНЪ

УТРЕННЯЯ БОЛТОВНЯ

Вы сегодня такъ красивы,
Что вы видѣли во снѣ?
— Берегъ, ивы
При лунѣ. —

А еще? Къ ночному склону
Не приходятъ, не любя.
— Дездемону
И себя. —

Вы глядите такъ несмѣло:
Кто тамъ былъ за купой ивъ?
— Былъ Отелло,
Онъ красивъ. —

Былъ ли онъ васъ двухъ достоинъ?
Былъ ли онъ какъ лунный свѣтъ?
— Да, онъ воинъ
И поэтъ. —

О какой же пѣль онъ нынѣ
Неоткрытой красотѣ?

— О пустынѣ

И мечтѣ. —

И вы слушали влюбленно,
Нѣжной грусти не тая?

— Дездемона,

Но не я. —

ОТРЫВОКЪ

Христосъ сказалъ: убогіе блаженны,
Завиденъ рокъ слѣпцовъ, калѣкъ и нищихъ,
Я ихъ возьму въ надзвѣздныя селеня,
Я сдѣлаю ихъ рыцарями неба,
И назову славнѣйшими изъ славныхъ...
Пусть! Я приму! Но какъ же тѣ, другіе
Чьей мыслью мы теперь живемъ и дышимъ,
Чьи имена звучатъ намъ, какъ призывы?
Искупятъ чѣмъ они свое величье,
Какъ имъ заплатитъ воля равновѣся?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонѣмымъ — великій Вольфгангъ Гете
И Байронъ — площаднымъ шутомъ... о ужась!

ТОТЪ ДРУГОЙ

Я жду, исполненный укоровъ :
Но не веселую жену
Для задушевныхъ разговоровъ
О томъ, что было въ старину.

И не любовницу: мнѣ скученъ
Прерывный шепоть, томный взглядъ, —
И къ упоеньямъ я приученъ,
И къ мукамъ, горше во-стократъ.

Я жду товарища, отъ Бога
Въ вѣкахъ дарованнаго мнѣ,
За то, что я томился много
По вышинѣ и тишинѣ.

И какъ преступенъ онъ, суровый,
Коль вѣчность промѣнялъ на часть,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующія насъ.

ВѢЧНОЕ

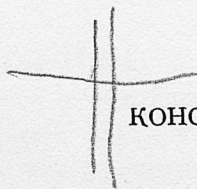
Я въ коридорѣ дней сомкнутыхъ,
Гдѣ даже небо тяжкій гнетъ,
Смотрю въ вѣка, живу въ минутахъ,
Но жду Субботы изъ Субботъ;

Конца тревогамъ и удачамъ,
Слѣпымъ блужданіямъ души...
О день, когда я буду зрячимъ
И странно знающимъ, слѣши!

Я душу обрѣту иную,
Все, что дразнило, улова.
Благословлю я золотую
Дорогу къ солнцу отъ червя.

И тотъ, кто шелъ со мною рядомъ
Въ громахъ и кроткой тишинѣ,
Кто былъ жестокъ къ моимъ усладамъ,
И ясно милостивъ къ винѣ;

Училъ молчать, училъ бороться,
Всей древней мудрости земли, —
Положить посохъ, обернется
И скажетъ просто: „мы пришли“.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Еще близъ порта орали хоромъ
Матросы, требуя вина,
А надъ Стамбуломъ и надъ Босфоромъ
Сверкнула полная луна.

Сегодня ночью на дно залива
Швырнуть невѣрную жену,
Жену, что слишкомъ была красива
И походила на луну.

Она любила свои мечтанья,
Бесѣдку въ чащѣ камыша,
Старухъ гадальщицъ, и ихъ гаданья,
И все, что не любилъ паша.

Отец печаленъ, но понимаетъ
И шепчетъ мужу: „что жъ, пора?“
Но глазъ упрямыхъ не поднимаетъ,
Мечтаетъ младшая сестра:

— Такъ много, много въ глухихъ заливахъ
Лежить любовниковъ другихъ,
Сплетенныхъ, томныхъ и молчаливыхъ...
Какое счастье быть средь нихъ!

СОВРЕМЕННОСТЬ

Я закрыль Илиаду и сѣлъ у окна,
На губахъ трепетало послѣднее слово,
Что-то ярко свѣтило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тѣнь часового.

Я такъ часто бросалъ испытующій взоръ,
И такъ много встрѣчалъ отвѣчающихъ взоровъ,
Одиссеевъ во мглѣ пароходныхъ конторъ,
Агамемноновъ между трактирныхъ маркеровъ.

Такъ, въ далекой Сибири, гдѣ плачетъ пурга,
Застываютъ въ серебряныхъ льдахъ мастодонты,
Ихъ глухая тоска тамъ колышетъ снѣга,
Красной кровью—вѣдь ихъ—зажжены горизонты.

Я печалень отъ книги, томлюсь отъ луны,
Можетъ быть, мнѣ совсѣмъ и не надо героя,
Вотъ идутъ по аллеѣ, такъ странно нѣжны,
Гимназистъ съ гимназисткой, какъ Дафнисъ и Хлоя.

СОНЕТЪ

Я вѣрно боленъ: на сердцѣ туманъ,
Мнѣ скучно все, и люди, и рассказы,
Мнѣ снятся королевскіе алмазы
И весь въ крови широкій ятаганъ.

Мнѣ чудится (и это не обманъ)
Мой предокъ былъ татаринъ косоглазый,
Свирѣпый гуннъ... я вѣянемъ заразы,
Черезъ вѣка дошедшей, обуянъ.

Молчу, томлюсь, и отступаютъ стѣны —
Вотъ океанъ весь въ клочьяхъ бѣлой пѣны,
Закатнымъ солнцемъ залитый гранитъ,

И городъ съ голубыми куполами,
Съ цвѣтущими, жасминными садами,
Мы дрались тамъ.... Ахъ, да! я былъ убитъ.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМЪ

Въ узкихъ вазахъ томленье умирающихъ лилій.
Западъ былъ мѣднокрасный. Вечеръ былъ голубой.
О Леконтъ де Лилъ мы съ тобой говорили,
О холодномъ поэтѣ мы грустили съ тобой.

Мы не разъ открывали шелковистые томы
И читали спокойно и шептали: не тотъ!
Но тогда намъ сверкнули всѣ слова, всѣ истомы,
Какъ кочевницы звѣзды, что восходятъ разъ въ годъ.

Такъ пѣвучи и странны въ нашихъ душахъ воскресли
Риемы древняго солнца, мѣръ нежданно-большой,
И сквозь сумракъ вечерній запрокинутый въ креслѣ
Рѣзкій профиль креола съ лебединой душой.

ОНА

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая отъ словъ,
Живетъ въ таинственномъ мерцаньѣ
Ея расширенныхъ зрачковъ.

Ея душа открыта жадно
Лишь мѣдной музыкѣ стиха,
Предъ жизнью дольней и отрадной
Высокомѣрна и глуха.

Неслышный и неторопливый,
Такъ странно плавленъ шагъ ея,
Назвать нельзя ее красивой,
Но въ ней все счастье мое.

Когда я жажду своеволий
И смѣлъ и гордъ — я къ ней иду
Учиться мудрой сладкой боли
Въ ея истомѣ и бреду.

Она свѣтла въ часы томленій
И держитъ молніи въ рукѣ,
И четки сны ея, какъ тѣни
На райскомъ огненномъ пескѣ.

ЖИЗНЬ

Съ тусклымъ взоромъ, съ мертвымъ сердцемъ въ море
броситься со скалы,
Въ часъ, когда, какъ знамя, въ небѣ дымно-розовая заря,
Иль въ темницѣ стать свободнымъ, какъ свободны одни орлы,
Иль найти покой неожиданный въ дымной хижинѣ дикаря!

Да, я понялъ. Символъ жизни — не поэтъ, что творить слова,
И не воинъ, съ твердымъ сердцемъ, не работникъ, ведущій
плугъ,
— Съ иронической усмѣшкой царь-ребенокъ на шкурѣ льва,
Забывающій игрушки между бѣлыхъ усталыхъ рукъ.

ИЗЪ ЛОГОВА ЗМІЕВА

Изъ логова зміева,
Изъ города Кіева,
Я взялъ не жену, а колдунью.
А думалъ забавницу,
Гадалъ — своенравницу,
Веселую птицу-пѣвунью.

Покликаешь — морщится,
Обнимешь — топорщится,
А выйдетъ луна — затомится,
И смотритъ, и стонетъ,
Какъ будто хоронитъ
Кого-то,—и хочетъ топиться.

Твержу ей: крещеному,
Съ тобой по мудреному
Возиться теперь мнѣ не въ пору;
Снеси-ка истому ты
Въ Днѣпровскіе омуты,
На грѣшную Лысую гору.

Молчить — только ежится,
И все ей неможется,
Мнѣ жалко ее, виноватую,
Какъ птицу подбитую,
Березу подрытую
Надъ очастью, Богомъ заклятою.

о часть

II

Посвящается Анни Ахматовой

Я ВЪРИЛЪ, Я ДУМАЛЪ...

СЕРГЪЮ МАКОВСКОМУ

Я вѣрилъ, я думалъ, и свѣтъ мнѣ блеснулъ наконецъ;
Создавъ, навсегда уступилъ меня року Создатель;
Я проданъ! Я больше не Божій! Ушелъ продавецъ
И съ явной насмѣшкой глядитъ на меня покупатель.

Летающей горою за мною несется Вчера,
А Завтра меня впереди ожидаетъ, какъ бездна,
Иду..но когда-нибудь въ Бездну сорвется Гора,
Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.

И если я волей себѣ покоряю людей,
И если слетаетъ ко мнѣ по ночамъ вдохновенье,
И если я вѣдаю тайны — поэтъ, чародѣй,
Властитель вселенной — тѣмъ будетъ страшнѣе паденье.

И вотъ мнѣ приснилось, что сердце мое не болитъ,
Оно — колокольчикъ фарфоровый въ желтомъ Китаѣ
На пагодѣ пестрой... виситъ и привѣтно звенитъ,
Въ эмалевомъ небѣ дразня журавлиныя стаи.

А тихая дѣвушка въ платьѣ изъ красныхъ шелковъ,
Гдѣ золотомъ вышиты осы, цвѣты и драконы,
Съ поджатыми ножками смотритъ безъ мыслей и сновъ,
Внимательно слушая легкіе, легкіе звоны.

ОСЛѢПИТЕЛЬНОЕ

Я тѣло въ кресло уроню,
Я свѣтъ руками заслоню
И буду плакать долго, долго,
Припоминая вечера,
Когда не мучило „вчера“
И не томили цѣпи долга;

И въ море врѣзавшійся мысъ,
И одинокій кипарисъ,
И благосклоннаго Гуссейна,
И медленный его разсказъ,
Въ часы, когда не видитъ глазъ
Ни кипариса, ни бассейна.

И снова властвуетъ Багдадъ,
И снова странствуетъ Синдбадъ,
Вступаетъ съ демонами въ ссору,
И отъ египетской земли
Опять уходятъ корабли
Въ великолѣпную Бассору.

Купцамъ и прибыль и почетъ.
Но нѣтъ, не прибыль ихъ влечетъ
Въ нагихъ степяхъ, надъ бездною водной;
О тайна тайнъ, о птица Рокъ,
Не твой ли дальній островокъ
Имъ былъ звѣздою путеводной?

Ты уводила моряковъ
Въ пещеры джиновъ и волковъ,
Хранящихъ древнюю обиду,
И на висячіе мосты
Сквозь темно-красные кусты
На пиръ къ Гаруну-аль-Рашиду.

И я когда-то былъ твоимъ,
Я плылъ, покорный пилигримъ,
За жизнью благодной и мирной,
Чтобъ повстрѣчалъ меня Гуссейнъ
Въ садахъ, гдѣ розы и бассейнъ,
На берегу за старой Смирной.

Когда-то... Боже, какъ чисты
И какъ мучительны мечты!
Ну что-же, раньте сердце, раньте,—
Я тѣло въ кресло уроню,
Я свѣтъ руками заслоню,
И буду плакать о Левантѣ.

РОДОСЪ

ПАМЯТИ М. А. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ

На поляхъ опаленныхъ Родоса,
Камни стѣнъ и въ цвѣту тополя
Видитъ зоркое сердце матроса
Въ тихій вечеръ съ кормы корабля.

Тамъ былъ рыцарскій орденъ: соборы,
Цитадель, бастіоны, мосты,
И на людяхъ простые уборы,
Но на нихъ золотые кресты.

Не стремиться ни къ славѣ, ни къ счастью,
Всѣ равны передъ взоромъ Отца,
И не дать покорить самовластью
Посвященныя небу сердца!

Но въ долинахъ старинныхъ помѣстій,
Посреди кипарисовъ и розъ,
Говорить о Небесной Невѣстѣ,
Охраняющей нѣжный Родосъ!

Наше бремя — тяжелое бремя:
Трудъ зловѣщій дала намъ судьба,
Чтобъ прославить на краткое время,
Нѣтъ, не насъ, только наши гроба.

Намъ брести въ смертоносныхъ равнинахъ,
Чтобъ узнать, гдѣ родилась рѣка,
На тяжелыхъ и гулкихъ машинахъ
Грозовыя пронзать облака;

Въ каждомъ взглядѣ тоска безъ просвѣта,
Въ каждомъ вздохѣ томительный крикъ, —
Высыхать въ глубинѣ кабинета
Передъ пыльными грудями книгъ.

Мы идемъ сквозь туманные годы,
Смутно чувствуя вѣянье розъ,
У вѣковъ, у пространствъ, у природы,
Отвоевывать древній Родось.

Но, быть можетъ, подумаютъ внуки,
Какъ орлята, тоскуя въ гнѣздѣ:
„Гдѣ теперь эти крѣпкія руки,
Эти души горящія — гдѣ?“

ПАЛОМНИКЪ

Ахметъ-Оглы беретъ свою клюку
И покидаетъ городъ многолюдный.
Вотъ онъ идетъ по рыхлому песку,
Его движенья медленны и трудны.
— Ахметъ, Ахметъ, тебѣ-ли старику,
Пускаться въ путь невѣдомый и чудный?
Твое добро враги возьмутъ сполна,
Тебѣ измѣнить глупая жена. —

„Я этой ночью слышалъ зовъ Аллаха,
Аллахъ сказалъ мнѣ: — Встань, Ахметъ-Оглы,
Забудь про все, иди, не зная страха,
Иди, провозглашая мнѣ хвалы;
Гдѣ рыжій вихрь вздымаетъ горы праха,
Гдѣ носятся хохлатые орлы,
Гдѣ лошадь ржетъ надъ трупомъ бедуина,
Туда иди: тамъ Мекка, тамъ Медина.“ —

— Ахметъ-Оглы, ты лжешь! Одинъ пророкъ
Внималъ Аллаху, блѣдный, вдохновенный,
Посломъ отъ міра горя и тревогъ
Онъ улеталъ къ обители неглѣнной,
Но онъ былъ юнъ, прекрасенъ и высокъ,
И конь его былъ конь благословенный,
А ты... мы не слышали о послѣ.
Плѣшивомъ, на задерганномъ ослѣ. —

Не слушаетъ, упрямъ старикъ суровый,
Идетъ, кряхтитъ (и злость въ его смѣшкѣ),
На немъ халатъ изодранный, а новый,
Лиловый, шитый золотомъ, въ мѣшкѣ;
Подъ мышкой, посохъ кованный, дубовый,
Удобный даже старческой рукѣ,
Чалма лежитъ какъ требуютъ шиты,
И десять лиръ въ сандалии защиты.

2
Вчера шакалы были подъ горой
И чья то тѣнь текла неуловимо,
Сегодня усмѣхались межъ собой
Три оборванца, проходившихъ мимо.
Но ни шайтанъ, ни воръ, ни звѣрь лѣсной,
Смиреннаго не тронуть пилигрима,
И въ ночь его, должно быть отъ луны,
Слетаютъ удивительные сны.

И каждый вечеръ кажется, что вскорѣ
Окончится терновникъ и волчцы,
Какъ въ золотомъ Багдадѣ, какъ въ Бассорѣ
Поднимутся узорные дворцы,
И Красное пылающее Море
Предъ нимъ свои растелетъ багрецы,
Волшебство синихъ и зеленыхъ мелей...
И такъ идетъ недѣля за недѣлей.

Онъ очень старъ, Ахметъ, а путь суровъ,
Пронзительны полночные туманы,
Онъ скоро упадетъ безъ силъ и словъ,
Закутавшись, дрожа, въ халатъ свой рваный,
Въ одномъ изъ тѣхъ восточныхъ городовъ,
Гдѣ вечерами шепчутся платаны,
Пока чернобородый муэдзинъ
Поетъ стихи про гурію долинъ.

Онъ упадетъ, но духъ его безсонный
Аллахъ не даромъ дивно окрылилъ,
Его, какъ мальчикъ страстный и влюбленный,
Въ свои объятия приметъ Азраиль,
И поведетъ тропю, разрѣшенной
Для демоновъ, пророковъ и свѣтилъ.
Все, что свершить возможно человѣку,
Онъ совершилъ—и онъ увидитъ Мекку.

ЖЕСТОКОЙ

„Плѣнительная, злая, неужели
Для васъ смѣшно святое слово: другъ?
Вамъ хочется на вашемъ лунномъ тѣлѣ
Слѣдить касанья только женскихъ рукъ,

„Прикосновенья губъ стыдливо-страстныхъ
И взгляды глазъ нетребующихъ, да?
Ужели до сихъ поръ въ мечтахъ неясныхъ
Васъ дѣтскій смѣхъ не мучилъ никогда?

„Любовь мужчины — пламень Прометея,
И требуетъ и, требуя, дарить,
Предъ ней душа, волнуясь и слабѣя,
Какъ красный кустъ горить и говорить.

„Я васъ люблю, забудьте сны!“— Въ молчаньѣ
Она, чуть дрогнувъ, вѣки подняла,
И я услышалъ звонкихъ лиръ бряцанье
И громовые клекоты орла.

Орелъ Сафо у бѣлаго утеса
Торжественно парилъ, и красота
Безтѣнныхъ виноградниковъ Лесбоса
Замкнула богохульные уста.

ЛЮБОВЬ

Надменный какъ юноша, лирикъ
Вошелъ, не стучая, въ мой домъ
И просто замѣтилъ, что въ мѣрѣ
Я долженъ грустить лишь о немъ.

Съ капризной ужимкой захопнулъ
Открытую книгу мою,
Туфлей лакированной топнулъ,
Едва проронивъ: не люблю.

Какъ смѣлъ онъ такъ пахнуть духами!
Такъ дерзко перстнями играть!
Какъ смѣлъ онъ засыпать цвѣтами
Мой письменный столъ и кровать!

Просто - марширует
и немощно встан
кое. Вспувае
не раз.

Я изъ дому вышелъ со злостью,
Но онъ увязался за мной,
Стучить изумительной тростью
По звонкимъ камнямъ мостовой.

И сталъ я съ тѣхъ поръ сумасшедшимъ,
Не смѣю вернуться въ свой домъ
И все говорю о пришедшемъ
Безстыднымъ его языкомъ.

БАЛЛАДА

Влюбленные, чья грусть какъ облака,
И нѣжныя задумчивыя лѣди,
Какой дорогой васъ ведетъ тоска,
Къ какой еще несслыханной побѣдѣ
Надъ чарой вамъ назначенныхъ наслѣдій?
Гдѣ вашей вѣчной грусти и слезамъ
Цѣлительный предложится бальзамъ?
Гдѣ сердце запылаетъ, не сгорая?
Въ какой пустынѣ явится глазамъ,
Блеснетъ сіянье розоваго рая?

Вотъ я нашель, и пѣснь моя легка,
Какъ память о давно прошедшемъ бредѣ,
Могучая взяла меня рука,
Уже слетѣлъ къ дрожащей Андромедѣ
Персей въ кольчугѣ изъ горящей мѣди.
Пускай вдали пылаетъ лживый храмъ,
Гдѣ я тѣнямъ молился и словамъ,
Привѣтъ тебѣ, о родина святая!
Влюбленные, пытайте рокъ, и вамъ
Блеснетъ сіянье розоваго рая.

Въ моей странѣ спокойная рѣка,
Въ поляхъ и рощахъ много сладкой снѣди,
Тамъ аистъ ловить змѣй у тростника,
И въ полдень, пьяны запахомъ камеди,
Кувыркаются рыжіе медвѣди.
И въ юномъ мірѣ юноша Адамъ,
Я улыбаюсь птицамъ и плодамъ,
И знаю я, что вечеромъ, играя,
Пройдетъ Христосъ-младенецъ по водамъ,
Блеснетъ сіянье розоваго рая.

ПОСЫЛКА

Тебѣ, подруга, эту пѣснь отдамъ,
Я вѣровалъ всегда твоимъ стопамъ,
Когда вела ты, нѣжа и карая,
Ты знала все, ты знала, что и намъ
Блеснетъ сіянье розоваго рая.

УКРОТИТЕЛЬ ЗВѢРЕЙ

... Какъ мой китайскій зонтикъ красенъ,
Натерты мѣломъ башмачки.

Анна Ахматова.

Снова заученно-смѣлой походкой
Я приближаюсь къ завѣтнымъ дверямъ,
Звѣри меня дожидаются тамъ,
Пестрые звѣри за крѣпкой рѣшеткой.

Будутъ рычать и пугаться бича,
Будутъ сегодня еще вѣроломнѣй
Или покорнѣй... не все ли равно мнѣ,
Если я молодъ и кровь горяча?

Только... я вижу все чаще и чаще
(Вижу и знаю, что это лишь бредъ)
Страннаго звѣря, котораго нѣтъ,
Онъ — золотой, шестикрылый, молчащій.

Долго и зорко слѣдитъ онъ за мной
И за движеньями всѣми моими,
Онъ никогда не играетъ съ другими
И никогда не придетъ за ѣдой.

Если мнѣ смерть суждена на аренѣ,
Смерть укротителя, знаю теперь,
Этотъ, незримый для публики, звѣрь,
Первымъ, мои перекусить колѣни.

? Не колѣни, а связки
подъ колѣнками

Фанни, завяль вами данный цвѣтокъ,
Вы жъ, какъ всегда, веселы на канатѣ,
Звѣрь мой, онъ дремлетъ у вашей кровати,
Смотрить въ глаза вамъ, какъ преданный догъ.

X ОТРАВЛЕННЫЙ

„Ты совсѣмъ, ты совсѣмъ снѣговая,
Какъ ты странно и страшно блѣдна!
Почему ты дрожишь, подавая
Мнѣ стаканъ золотого вина?“

Отвернулась печальной и гибкой...
Что я знаю, то знаю давно,
Но я выпью и выпью съ улыбкой
Все налитое ею вино.

А потомъ, когда свѣчи потушатъ,
И кошмары придутъ на постель,
Тѣ кошмары, что медленно душатъ,
Я смертельный почувствую хмель...

И приду къ ней, скажу: „дорогая,
Видѣлъ я удивительный сонъ,
Ахъ, мнѣ снилась равнина безъ края,
И совсѣмъ золотой небосклонъ.

„Знай, я больше не буду жестокимъ,
Будь счастливой, съ кѣмъ хочешь, хоть съ нимъ,
Я уѣду, далекимъ, далекимъ,
Я не буду печальнымъ и злымъ.

„Мнѣ изъ рая, прохладнаго рая,
Видны бѣлые отсвѣты дня...
И мнѣ сладко—не плачь, дорогая,
Знать, что ты отравила меня.“

У КАМИНА

Наплывала тѣнь... Догоралъ каминъ,
Руки на груди, онъ стоялъ одинъ,

Неподвижный взоръ устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:

„Я пробрался въ глубь неизвѣстныхъ странъ,
Восемьдесятъ дней шелъ мой караванъ;

„Цѣпи грозныхъ горъ, лѣсъ, а иногда
Странные въ дали чьи-то города.

„И не разъ изъ нихъ въ тишинѣ ночной
Въ лагерь долеталъ непонятный вой.

„Мы рубили лѣсъ, мы копали рвы,
Вечерами къ намъ подходили львы.

„Но трусливыхъ душъ не было межъ насъ,
Мы стрѣляли въ нихъ, цѣлясь между глазъ.

„Древній я отрылъ храмъ изъ подъ песка,
Именемъ моимъ названа рѣка,

„И въ странѣ озеръ, пять большихъ племенъ
Слушались меня, чтили мой законъ.

„Но теперь я слабъ, какъ во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;

„Я узналъ, узналъ, что такое страхъ,
Погребенный здѣсь въ четырехъ стѣнахъ;

„Даже блескъ ружья, даже плескъ волны
Эту цѣпь порвать нынѣ не вольны“...

И, тая въ глазахъ злое торжество,
Женщина въ углу слушала его.

МАРГАРИТА

Валентинъ говоритъ о сестрѣ въ кабацѣ,
Выхваляетъ ея умъ и лицо,
А у Маргариты на лѣвой рукѣ
Появилось дорогое кольцо.

А у Маргариты спрятанъ ларецъ
Подъ окномъ въ зеленомъ плющѣ,
Ей приносить такъ много серегъ и колецъ
Злой насмѣшникъ въ красномъ плащѣ.

Хоть высоко окно въ Маргаритинъ пріютъ,
У насмѣшника лѣстница есть ;
Пусть такъ звонко на улицахъ студенты поютъ,
Прославляя Маргаритину честь,

Слишкомъ ярки рубины и томень апрѣль,
Чтобъ забыть обо всемъ, не знать ничего...
Марта гладитъ любовно полный кошель,
Только... сѣрой несетъ отъ него.

Валентинъ, Валентинъ, позабуди свой позоръ,
Ахъ, чего не бываетъ въ лѣтнюю ночь!
Ужъ на что Риголетто былъ горбатъ и хитеръ,
И надъ тѣмъ насмѣялась родная дочь.

Грозно Фауста въ бой ты зовешь, но вотще!
Его нѣтъ... Его выдумалъ дѣвичій стыдъ;
Лишь насмѣшника въ красномъ и дырявомъ плащѣ
Ты найдешь... и ты будешь убитъ.

ОБОРВАНЕЦЪ

Я пойду по гулкимъ шпаламъ,
Думать и слѣдить,
Въ небѣ желтомъ, въ небѣ аломъ
Рельсъ бѣгущихъ нить.

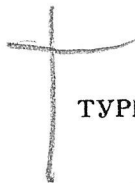
Въ залы пасмурныя станцій
Забреду, дрожа,
Коль не сгонять оборванца
Съ крикомъ сторожа.

А потомъ мечтой упрямой
Вспомню въ сотый разъ,
Быстрый взглядъ красивой дамы,
Сѣвшей въ первый классъ.

Что ей, гордой и далекой,
Вся моя любовь?
Но такой голубоокой
Мнѣ не видѣть вновь!

Разкажу я тайну другу,
Подтруню надъ нимъ,
Въ теплый часъ, когда по лугу
Вечерь стелеть дымъ.

И съ улыбкой безобразной
Онъ отвѣтитъ: „ишь!
Начитался дряни разной,
Вотъ и говоришь.“

ТУРКЕСТАНСКІЕ ГЕНЕРАЛЫ

Подъ смутный говоръ, стройный гамъ,
Сквозь мѣрное сверканье баловъ,
Такъ странно видѣть по стѣнамъ
Высокихъ старыхъ генераловъ.

Привѣтный голосъ, ясный взглядъ,
Бровей сѣдѣющихъ изгибы,
Намъ ничего не говорятъ,
О томъ, о чемъ сказать могли бы.

И кажется, что въ вихрѣ дней,
Среди сановниковъ и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легендѣ.

Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: „къ оружью“,
Унылые солончаки
И поступь мѣрную верблюжью;

Поля невѣдомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Учъ-Кудукъ, и Киндерли,
И русскій флагъ надъ бѣлой Хивой.

Забыли? — Нѣтъ! Вѣдь каждый часъ
Какимъ то случаемъ прилежнымъ
Туманитъ блескъ спокойныхъ глазъ,
Напоминаетъ имъ о прежнемъ.

— „Что съ вами?“ — „Такъ, нога болитъ.“
— „Подагра?“ — „Нѣтъ, сквозная рана.“ —
И сразу сердце защеमितъ
Тоска по солнцу Туркестана.

И мнѣ сказали, что никто
Изъ этихъ старыхъ ветерановъ,
Средь копій Греза и Ватто,
Средь мягкихъ креселъ и дивановъ,

Не скроетъ ветхую кровать,
Ему служившую въ походахъ,
Чтобъ вѣчно сердце волновать
Вспоминаньемъ о невзгодахъ.

АБИССИНСКІЯ ПѢСНИ

г. ВОЕННАЯ

Носороги топчуть наше дурро,
Обезьяны обрываютъ смоквы,
Хуже обезьянъ и носороговъ
Бѣлые бродяги итальянцы.

Первый флагъ забился надъ Харраромъ,
Это городъ раса Маконена,
Вслѣдъ за нимъ проснулся древній Аксумъ
И въ Тигрѣ заухали гіены.

По лѣсамъ, горамъ и плоскогорьямъ
Бѣгаютъ свирѣпые убійцы,
Вы, перерывающіе горло,
Свѣжей крови вы напьетесь нынче.

Отъ куста къ кусту переползайте,
Какъ ползуть къ своей добычѣ змѣи,
Прыгайте стремительно съ утесовъ—
Васъ прыжкамъ учили леопарды.

Кто добудетъ въ битвѣ больше ружей,
Кто зарѣжетъ больше итальянцевъ,
Люди назовутъ того ашкеромъ
Самой бѣлой лошади негуса.

2. ПЯТЬ БЫКОВЪ

Я служилъ пять лѣтъ у богача,
Я стерегъ въ поляхъ его коней,
И за то мнѣ подарилъ богачъ
Пять быковъ, приученныхъ къ ярму.

Одного изъ нихъ зарѣзалъ левъ,
Я нашелъ въ травѣ его слѣды,
Надо лучше охранять крааль,
Надо на ночь зажигать костеръ.

А второй взбѣсился и бѣжалъ,
Звонкою ужаленный осой,
Я блуждалъ по зарослямъ пять дней,
Но нигдѣ не могъ его найти.

Двумъ другимъ подсыпалъ мой сосѣдъ
Въ пойло ядовитой белены,
И они валялись на землѣ
Съ высунутымъ синимъ языкомъ.

Закололъ послѣдняго я самъ,
Чтобы было, чѣмъ попить
Въ часъ, когда пылалъ сосѣдскій домъ
И вопилъ въ немъ связанный сосѣдъ.

X
3. НЕВОЛЬНИЧЬЯ

По утрамъ просыпаются птицы,
Выбѣгають въ поле газели,
И выходитъ изъ шатра европейецъ,
Размахивая длиннымъ бичемъ.

Онъ садится подъ тѣнью пальмы,
Обвернувъ лицо зеленой вуалью,
Ставитъ рядомъ съ собой бутылку виски
И хлещетъ лѣнящихся рабовъ.

Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его муловъ,
А вечеромъ ѣсть солонину,
Которая испортилась днемъ.

Слава нашему хозяину европейцу,
У него такія дальнобойныя ружья,
У него такая острая сабля
И такъ больно хлещущій бичъ!

Слава нашему хозяину европейцу,
Онъ храбръ, но онъ не догадливъ,
У него такое нѣжное тѣло,
Его сладко будетъ пронзить ножомъ!

4. ЗАНЗИБАРСКІЯ ДѢВУШКИ

Разъ услышалъ бѣдный абиссинецъ,
Что далеко, на сѣверѣ, въ Каирѣ
Занзибарскія дѣвушки пляшутъ
И любовь продаютъ за деньги.

А ему давно надоѣли
Жирныя женщины Габеша,
Хитрыя и злыя сомалійки
И грязныя поденщицы Каффы.

И отправился бѣдный абиссинецъ
На своемъ единственномъ мулѣ
Черезъ горы, лѣса и степи
Далеко, далеко на сѣверь.

На него нападали вору,
Онъ убилъ четверыхъ и скрылся,
А въ густыхъ лѣсахъ Сенаара
Слонъ-отшельникъ растопталъ его мула.

Двадцать разъ обновлялся мѣсяцъ,
Пока онъ дошелъ до Каира,
И вспомнилъ, что у него нѣтъ денегъ,
И пошелъ назадъ той же дорогой.

III

ИЗЪ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ

НА БЕРЕГУ МОРЯ

Уронила луна изъ ручекъ
— Такъ разсѣянна до сихъ поръ —
Вѣрь самыхъ розовыхъ тучекъ
На морской голубой коверъ.

Наклонилась... достать мечтаетъ
Серебристой тонкой рукой,
Но напрасно! Онъ уплываетъ,
Уносимый быстрой волной.

Я бѣ достать его взялся... смѣло,
Луна, я бѣ прыгнулъ въ потокъ,
Если бѣ ты спуститься хотѣла
Иль подняться къ тебѣ я могъ.

ИСКУССТВО

Созданье тѣмъ прекраснѣй,
Чѣмъ взятый матеріаль
Безстрастнѣй —
Стихъ, мраморъ иль металлъ.

О свѣтлая подруга,
Стѣсненія гони,
Но туго
Котурны затяни.

Прочь легкіе приемы,
Башмакъ по всѣмъ ногамъ,
Знакомый
И нищимъ, и богамъ.

Скульпторъ не мни покорной
И вялой глины комъ,
Упорно
Мечтая о другомъ.

Съ пароскимъ иль каррарскимъ
Борись обломкомъ ты,
Какъ съ царскимъ
Жилищемъ красоты.

Прекрасная темница!
Сквозь бронзу Сиракузь
Глядится
Надменный обликъ музъ.

Рукою нѣжной брата
Очерчивай уклонъ
Агата —
И выйдетъ Аполлонъ.

Художникъ! Акварели
Тебѣ не будетъ жаль!
Въ купели
Расплавъ свою эмаль.

Твори сиренъ зеленыхъ
Съ усмѣшкой на губахъ,
Склоненныхъ
Чудовищъ на гербахъ.

Въ трехъярусномъ сянѣ
Мадонну и Христа,
Пыланье
Латинскаго креста.

Все прахъ. — Одно, ликуя,
Искусство не умереть.
Статуя
Переживетъ народъ.

И на простой медали,
Открытой средь камней,
 Видали
Невѣдомыхъ царей.

И сами боги тлѣнны,
Но стихъ не кончитъ пѣть,
 Надменный,
Властительнѣй, чѣмъ мѣдь.

Чеканить, гнуть, бороться, —
И зыбкій сонъ мечты
 Вольется
Въ безсмертныя черты.

АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ПЪСЕНКА

Ты хочешь, чтобъ была я смѣлой?
Такъ не пугай, поэтъ, тогда
Моей любви, голубки бѣлой
На небѣ розовомъ стыда.

Идетъ голубка по аллеѣ
И въ каждомъ чудится ей врагъ,
Моя любовь еще нѣжнаѣ,
Бѣжить, коль къ ней направить шагъ.

Нѣмой, какъ статуя Гермеса,
Остановись, и вздрогнетъ букъ, —
Смотри, къ тебѣ изъ чащи лѣса
Уже летитъ крылатый другъ.

И ты почувствуешь дыханье
Какой то ласковой волны
И легких, легких крыль дрожанье,
Въ сверканьѣ сладкомъ бѣлизны.

И на плечо твое голубка
Слетить уже приручена,
Чтобы изъ розоваго кубка
Вкусилъ ты сладкаго вина.

РОНДОЛЛА

Ребенокъ, съ видомъ герцогини,
Голубка, сокола страшнѣй, —
Меня не любишь ты, но нынѣ
Я буду у твоихъ дверей.

И тамъ стоять я буду, струны
Щипля и въ дерево стуча,
Пока внезапно лобъ твой юный
Не озаритъ въ окнѣ свѣча.

Я запрешу другимъ гитарамъ
По близости меня звенѣть.
Твой переулочекъ — мнѣ: не даромъ
Я говорю другимъ „не смѣть“.

И я отрѣжу оба уха
Нахалу, если только онъ
Куплетъ свой звонко или глухо
Придетъ запѣть подъ твой балконъ.

Мой ножъ шевелится какъ пьяный.
Ну чтожь? Кто любить красный цвѣтъ?
Кто хочетъ краски на кафтаны,
Гранатовъ алыхъ для манжетъ?

Ахъ, крови въ жилахъ слишкомъ скучно,
Не вѣчно жъ ей томиться тамъ,
А ночь темна, а ночь беззвучна:
Спѣшите трусы по домамъ.

Впередъ, задиры! Вы безъ страха,
И нѣтъ для васъ запретныхъ мѣстъ,
На вашихъ лбахъ моя наваха
Запечатлѣтъ рваный крестъ.

Пускай идутъ, одинъ или десять,
Рыча какъ бѣшеные псы,—
Я въ честь твою хочу повѣсить
Себѣ на поясъ ихъ носы.

И чрезъ канаву, что обычно
Мараютъ шелкъ чулокъ твоихъ,
Я мостъ устрою — и отличный
Изъ тѣлъ красавцевъ молодыхъ.

Ахъ, если саванъ мнѣ обѣщанъ
Изъ двухъ простынь твоихъ, — войну
Я подниму средь адскихъ трещинъ,
Я нападѣ на Сатану.

Глухая дверь, окно слѣпое,
Ты можешь слышать голосъ мой:
Такъ быкъ пронзенный, землю роя,
Реветь, а вокругъ собачій вой.

О, хотъ бы гвоздь былъ въ этой двери,
Чтобъ муки прекратить мои...
Къ чему мнѣ жить, скрывая въ сердцѣ
Томленье злобы и любви?

ГИППОПОТАМЪ

Гиппопотамъ съ огромнымъ брюхомъ
Живеть въ Яванскихъ тростникахъ,
Гдѣ въ каждой ямѣ стонуть глухо
Чудовища, какъ въ страшныхъ снахъ.

Свистить боа, скользя надъ кручей,
Тигръ угрожающе рычить
И буйволъ фыркаетъ могучій,
А онъ пасется или спить.

Ни стрѣлъ, ни острыхъ ассагаевъ, —
Онъ не боится ничего,
И пули мѣткія сипаевъ
Скользятъ по панцырю его.

И я въ роднѣ гиппопотама:
Одѣтъ въ броню моихъ святынь,
Иду торжественно и прямо
Безъ страха посреди пустынь.

IV

ПОЭМЫ

БЛУДНЫЙ СЫНЪ

I

Нѣтъ дома подобнаго этому дому!
Въ немъ книги и ладанъ, цвѣты и молитвы!
Но, видишь, отецъ, я томлюсь по иному,
Пусть въ мѣрѣ есть слезы, но въ мѣрѣ есть битвы.

На то ли, отецъ, я родился и выросъ,
Красивый, могучій и полный здоровья,
Чтобъ счастье побѣдъ замѣнилъ мнѣ твой клиросъ
И гулъ изумленной толпы — славословья.

Я больше не мальчикъ, не вѣрю обманамъ,
Надменность и кротость — два взмаха кадила,
И Петръ не унижится предъ Іоанномъ,
И левъ передъ агнцемъ, какъ въ снѣ Даниила.

Позволь, да твое преумножу богатство,
Ты плачешь надъ грѣшнымъ, а я негодую,
Мечемъ укрѣплю я свободу и братство,
Свирѣпыхъ огнемъ научу поцѣлюю.

Весь міръ для меня открывается вновь
И я буду княземъ во имя Господне...
О счастье! О пѣнье бунтующей крови!
Отець, отпусти меня... завтра... сегодня!..

Какъ розовъ за портикомъ край небосклона!
 Какъ веселы въ пламенномъ Тибрѣ галеры!
 Пускай приведутъ мнѣ танцовщицъ Сидона
 И Тира, и Смирны... во имя Венеры

Цвѣтовъ и вина, дорогихъ благовоній...
 Я праздную день мой въ веселой столицѣ!
 Но гдѣ же друзья мои, Цинна, Петроній?...
 А вотъ они, вотъ они, *salve amici!*

Идите скорѣй, ваше ложе готово,
 И розы прекрасны, какъ женскія щеки;
 Вы помните вѣрно отцовское слово,
 Я посланъ сюда былъ исправить пороки...

Но въ мірѣ, которымъ владѣеть превратность,
Постигнувъ философъ римскихъ науку,
Я вижу одинъ лишь порокъ — неопрятность,
Одну добродѣтель — изящную скуку.

Петроній, ты морщишься? Будь я повѣшенъ,
Коль ты недоволенъ моимъ сиракузскимъ!
Ты, Цинна, смѣешься? Неправда ль потѣшенъ
Тотъ рабъ косоглазый и съ черепомъ узкимъ?

Я падалъ сволокъ къ тростникамъ отдаленнымъ
И пойло для муловъ поставилъ въ ихъ стойла ;
Хозяинъ, я голоденъ, будь благосклоннымъ,
Позволь, мнѣ такъ хочется этого пойла.

За ригой есть куча лежалаго сѣна,
Быки не ѣдятъ его, лошади тоже :
Хозяинъ, твой я цѣлую колѣна,
Позволь изъ него приготовить мнѣ ложе.

Усталость — работнику помощь плохая,
И слѣпнуть глаза отъ соленого пота,
О, день, только день провести, отдыхая...
Хозяинъ, не бей ! Укажи, гдѣ работа.

Ахъ, въ рошахъ отца моего апельсины,
Какъ красное золото, полднемъ бездоннымъ,
Ихъ рвутъ, ихъ бросаютъ въ большія корзины
Красивыя дѣвушки съ пѣньемъ влюбленнымъ.

И съ думой о сынѣ тамъ бодрствуетъ ночи
Старикъ величавый съ сѣдой бородою,
Онъ грустенъ... пойду и скажу ему: „Отче,
Я грѣшенъ предъ Господомъ и предъ тобою“.

И въ горечи сердце находить усладу:
Вотъ садъ, но къ нему подойти я не смѣю,
Я помню... мнѣ было три года... по саду
Я взапуски бѣгаль съ лисицей моею.

Я выросъ! Мой опытъ мнѣ дорого стоитъ,
Томили предчувствія, грызла потеря...
Но цѣлое море печали не смоетъ
Изъ памяти этого перваго звѣря.

За садомъ возносятся гордые своды,
Вотъ домъ — это дѣдовъ моихъ пепелище,
Онъ, кажется, выросъ за долгіе годы,
Пока я блуждалъ, то распутникъ, то нищій.

Тамъ празднество: звонко грохочетъ посуда,
Дымятся тельцы и румянится тѣсто,
Сестра моя вышла, съ ней дѣвушка-чудо,
Вся въ бѣломъ и съ розами, словно невѣста.

За ними отецъ... Что скажу, что отвѣчу,
Иль снова блуждать мнѣ безъ мысли и цѣли?
Узналъ... догадался... идетъ мнѣ навстрѣчу...
И праздникъ, и эта невѣста... не мнѣ ли?!

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

Свѣжимъ вѣтромъ снова сердце пьяно,
Тайный голосъ шепчетъ: „все покинь!“—
Передъ дверью надъ кустомъ бурьяна
Небосклонъ безоблаченъ и синь,
Въ каждой лужѣ запахъ океана,
Въ каждомъ камнѣ вѣянье пустынь.

Мы съ тобою, Муза, быстроноги,
Любимъ ивы вдоль степной дороги,
Мѣрный скрипъ колесъ и вдалькѣ
Бѣлый парусъ на большой рѣкѣ.
Этотъ міръ, такой святой и строгій,
Что нѣтъ мѣста въ немъ пустой тоскѣ.

Ахъ, въ одномъ божественномъ движенъѣ,
Коснымъ, намъ дано преображенъе,
Въ немъ и мы — не только отраженъе,
Въ немъ живымъ становится, кто жилъ...
О пути земные, сѣтью жилъ,
Розой венъ васъ Богъ расположилъ!

И струится, и поетъ по венамъ
Радостно бушующая кровь;
Нѣтъ конца обѣтамъ и измѣнамъ,
Нѣтъ конца веселымъ перемѣнамъ,
И отсталыхъ подгоняютъ вновь
Плетью боли Голодь и Любовь.

Дикій звѣрь бѣжитъ изъ пушей въ пуши,
Крабъ ползетъ на берегъ при лунѣ,
И блуждаетъ ястребъ въ вышинѣ, —
Голодомъ и Страстью всемогущей
Всѣ больны, — летящій и бѣгушій,
Плавающий въ черной глубинѣ.

Веселы, нежданны и кровавы
Радости, печали и забавы
Дикой и плѣнительной земли;
Но всего прекраснѣй жажда славы,
Для нея родятся короли,
Въ океанахъ ходятъ корабли.

Что же, Муза, намъ съ тобою мало,
Хоть нѣжны мы, быть всегда вдвоемъ!
Скорбь о высшемъ въ голосѣ твоемъ:
Хочешь, мы съ тобою уплывемъ
Въ страны нарда, золота, коралла
Въ первой каравеллѣ Адмирала?

Видишь? городъ... вѣянье знаменъ...
Свѣтитъ солнце, яркое какъ въ дѣтствѣ,
Съ колоколенъ раздается звонъ,
Провозвѣстникъ радости, не бѣдствій,
И надъ портомъ, словно тяжкій стонъ,
Слышенъ гулъ восторга и привѣтствій.

Гдѣ жъ Колумбъ? Прохожій, укажи!
— „Въ кельѣ разбираетъ чертежи
Съ нашимъ старымъ пріоромъ Хуаномъ;
Въ этихъ прежнихъ картахъ столько лжи,
А шутить не должно съ океаномъ
Даже самымъ смѣлымъ капитанамъ“.

Сыплется въ узорное окно
Золото и пурпуръ повечерій,
Словно въ зачарованной пещерѣ,
Сонъ и явь сливаются въ одно,
Время тихо, какъ веретено
Фей-сказки дѣдовскихъ повѣрій.

Въ дорогой кольчугѣ Христофоръ,
Старый пріоръ въ праздничномъ убранствѣ,
А за ними поднимаетъ взоръ
Та, чей духъ — крылатый метеоръ,
Та, чей міръ въ святомъ непостоянствѣ,
Чье названье Муза Дальнихъ Странствій.

Странны и горды обрывки фразъ:
„Путь на югъ? Тамъ былъ уже Діасъ!“...
— Да, но кто слыхалъ его рассказъ?... —
„... У страны Великаго Могола
Острова“... — Но гдѣ же? Море голо.
Путь на югъ... — „Сеньерь! А Марко Поло?“

Вотъ взвился надъ старой башней флагъ,
Постучали въ дверь — условный знакъ, —
Но друзья не слышатъ. Въ жаркомъ спорѣ —
Что для нихъ отливъ, растущій въ морѣ!..
Столько не разобрано бумагъ,
Столько не досказано исторій!

Лишь когда въ сады спустилась мгла,
Стало тихо и прохладно стало,
Муза тайный долгъ свой угадала,
Подошла и властно адмирала,
Какъ ребенка, къ славѣ увела
Отъ его рабочаго стола.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ

Двадцать дней, какъ плыли каравеллы,
Встрѣчныхъ волнъ проламывая грудь;
Двадцать дней, какъ компасныя стрѣлы
Вмѣсто картъ указывали путь,
И какъ самый бодрый, самый смѣлый
Безъ тревожныхъ сновъ не могъ заснуть.

И никто на кораблѣ, бѣгущемъ
Къ дивнымъ странамъ, заповѣднымъ кушамъ,
Не дерзалъ подумать о грядущемъ;
Въ мысляхъ было пусто и темно;
Хмуρο измѣряли лотомъ дно,
Парусовъ чинили полотно.

Астрологи въ вечеръ ихъ отплытъя
Высчитали звѣздныя событья,
Ихъ слова гласили: „все обманъ“.
Вѣтеръ слѣва вспѣнилъ океанъ,
И пугали ужасомъ наитья
Темныя пророчества гитанъ.

И напрасно съ кафедры прелаты
Столько обѣщали имъ наградъ,
Обѣщали рыцарскія латы,
Царства обѣщали вмѣсто платы,
И про золотой индійскій садъ
Столько станць гремѣло, и балладъ...

Все прошло, какъ сонъ! А въ настоящемъ —
Смутное предчувствіе бѣды,
Вмѣсто славы тяжкіе труды
И подъ вечеръ — призракомъ горящимъ,
Злобно ждущимъ и жестоко мстящимъ —
Солнце въ безднѣ огненной воды.

Хозе помѣшался и сначала
Съ топоромъ пошелъ на адмирала,
А потомъ забился въ дальній трюмъ
И рыдалъ... Команда не внимала,
И несчастный помутнѣвшій умъ
Былъ одинъ во власти страшныхъ думъ.

По ночамъ садились на канаты
И шептались — а хотѣлось выть:
„Если долго вслѣдъ за солнцемъ плыть,
То бѣды кровавой не избыть:
Солнце въ безднѣ моется проклятой,
Солнцу ненавистенъ соглядатай!“

Но Колумбъ забыль бунтовщиковъ,
Онъ молчитъ о лѣни ихъ и пьянствѣ;
Цѣлый день на мостикѣ готовъ,
Какъ влюбленный, грезить о пространствѣ;
Въ шумѣ волнъ онъ слышитъ сладкій зовъ,
Увѣренья Музы Дальнихъ Странствѣй.

И предъ нимъ смирились моряки:
Такъ, надъ кручей злобные быки
Топчутся, ихъ гонитъ пастырь горный,
Въ ихъ сердцахъ отчаянне тоски,
Въ ихъ мозгу гнѣздится ужасъ черный,
Взоръ свирѣпъ... и все жъ они покорны!

Но не въ городъ, и не подъ копые
Смуглымъ и жестокимъ пикадорамъ,
Адмиралъ холоднымъ гонитъ взоромъ
Стадо оробѣлое свое,
А туда, въ иное бытiе,
Къ новымъ, лучшимъ травамъ и озерамъ.

Если свѣтелъ мудрый астрологъ,
Увидавъ безвѣстную комету;
Если, новый отыскавъ цвѣтокъ,
Мальчикъ подъ собой не чувствуетъ ногъ;
Если выше счастья нѣтъ поэту,
Чѣмъ придать нежданный блескъ сонету;

Если какъ подарокъ намъ дана
Мыслей неоткрытыхъ глубина,
Своего незнающая дна,
Старше солнцъ и вѣчно молодая...
Если смертный видитъ отсвѣтъ рая,
Только неустанно открывая:

— То Колумбъ свѣтлѣе, чѣмъ женихъ
На порогѣ радостей ночныхъ,
Чудо онъ духовнымъ видитъ окомъ,
Цѣлый міръ, невѣдомый пророкамъ,
Что залегъ въ пучинахъ голубыхъ,
Тамъ, гдѣ западъ сходится съ востокомъ.

Эти воды Богомъ прокляты!
Этимъ страшнымъ рифамъ нѣтъ названья!
Но навстрѣчу жаднаго мечтанья
Ужъ плывутъ, плывутъ, какъ обѣщанья,
Въ морѣ вѣтви, травы и цвѣты,
Въ небѣ птицы странной красоты.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ

— „Берегъ, берегъ!..“ И чинившій знамя
Замеръ, прикусивъ зубами нить,
А державшій голову руками
Сразу не посмѣлъ ихъ опустить.
Вольный вѣтеръ вѣялъ парусами,
Каравеллы продолжали плыть.

Кто онъ былъ, тотъ первый, свѣтлоокій,
Что, завидѣвъ съ палубы высокой
Въ дикомъ морѣ островъ одинокій,
Закричалъ, какъ коршуны кричать?
Старый кормщикъ, рыцарь иль пиратъ,
Нынѣ онъ Колумбу — младшій братъ!

Что одинъ исчислилъ по таблицамъ,
Чертежамъ и выщѣтшимъ страницамъ,
Ночью угадалъ по вѣщимъ снамъ, —
То увидѣлъ въ яркій полдень самъ
Тотъ, другой, подобный зоркимъ птицамъ,
Только птицамъ, Муза, имъ и намъ.

Словно дѣти прыгаютъ матросы,
Я такъ счастливъ... нѣтъ, я не могу...
Вонъ журавль смѣшной и длинноносый
Полетѣлъ на бѣлые утесы,
Въ синемъ небѣ описавъ дугу,
Вотъ и берегъ... мы на берегу.

Престарѣлый, въ полномъ облаченьѣ,
Патеръ совершилъ богослуженье,
Онъ молилъ: — „О Боже, не покинь
Грѣшныхъ насъ“... — кругомъ звучало пѣнье,
Медленная, мѣдная латынь
Породнилась съ шумами пустынь.

И казалось, эти же поляны
Намъ не разъ мерещились въ бреду...
Такъ же на змѣистыя ліаны
Съ криками взбѣгали обезьяны;
Цвѣлъ волчець; какъ грѣшники въ аду,
Звонко верещали какаду...

Такъ же сладко лился въ наши груди
Ароматъ невиданныхъ цвѣтовъ,
Каждый шагъ былъ такъ же странно новъ,
Тѣ же выходили изъ кустовъ,
Улыбаясь и крича о чудѣ,
Красные, какъ мѣдь, нагіе люди.

Ахъ! не грезилъ съ нами лишь одинъ,
Лишь одинъ хранилъ въ душѣ тревогу,
Хоть сперва, склонясь какъ паладинъ
Набожный, и онъ молился Богу,
Хоть теперь цѣлуетъ прахъ долинъ,
Стебли травъ и пыльную дорогу.

Какъ у всѣхъ матросовъ, грудь нага,
Въ лѣвомъ ухѣ мѣдная серьга
И на смуглой шеѣ нить коралла,
Но уста (ихъ тайна такъ строга),
Взоръ, гдѣ мысль горѣть не перестала,
Выдали намъ, Муза, адмирала.

Онъ печаленъ, этотъ человѣкъ,
По морю прошедшій, какъ по сушѣ,
Словно шашки, двигающій души
Отъ родныхъ селеній, мирныхъ нѣгъ
Къ дикимъ устьямъ безымянныхъ рѣкъ...
Что онъ шепчетъ!.. Муза, слушай, слушай!

— „Мой высокій подвигъ я свершилъ,
Но томится духъ, какъ въ темномъ склепѣ.
О Великій Боже, Боже Силь,
Если я награду заслужилъ,
Вмѣсто славы и великолѣпій,
Дай позоръ мнѣ, Вышній, дай мнѣ цѣпи!

— „Крѣпкій мѣхъ такъ гордъ своимъ виномъ,
Но когда вина не стало въ немъ,
Пусть хозяинъ броситъ жалкій комъ!
Раковина я, но безъ жемчужинъ,
Я потокъ, который былъ запруженъ,—
Спущенный, теперь уже не нуженъ.“ —

Да! Пробудить въ черни площадной
Только смѣхъ безмысленно-тупой,
Злость въ монахахъ, ненависть въ дворянствѣ
Геній, обвиненный въ шарлатанствѣ!
Какъ любовникъ, для игры иной
Онъ покинуть Музой Дальнихъ Странствій...

Я молчалъ, закрывъ глаза плащемъ.
Какъ струна, натянутая туго,
Сердце билось быстро и упруго,
Какъ сквозь сонъ я слышалъ, что подруга
Мнѣ шепнула: „не скорби о томъ,
Кто Колумбомъ названъ... Отойдемъ!“

V

ДОНЪ ЖУАНЪ ВЪ ЕГИПТЪ

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА ВЪ СТИХАХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

Донъ Жуанъ.
Лепорелло.
Американецъ.
Американка (его дочь).

Мѣсто дѣйствія — внутренность древняго храма на берегу
Нила.

Время дѣйствія — наши дни.

Донъ Жуанъ

(выходя изъ глубокой расщелины между плитъ)

Какъ странно! Гдѣ я? Что за бредъ?
Ага! Я ставлю три червонца,
Что наконецъ я вижу свѣтъ
Земного ласковаго солнца.
Но что-же дѣлалось съ тѣхъ поръ,
Какъ я смѣялся съ донной Анной
И грозный мертвый командоръ
Мнѣ руку сжалъ съ улыбкой странной?
Да! Мы слетѣли въ глубину,
Какъ двѣ подстрѣленные птицы,
И я увидѣлъ сатану
Сквозь обагреныя зарницы.
Мой командоръ лежалъ какъ пень,
Его схватили, жгли, терзали,
Но ловко я укрылся въ тѣнь
И выждалъ срокъ въ подземной залѣ.
Когда жъ загрезиль сатана
Съ больной усмѣшкой, съ томнымъ взоромъ,
Я подниматься сталъ со дна
По лѣстницамъ и коридорамъ.
Потѣлъ отъ сѣрнаго огня,
Дрожалъ во льдахъ, и мчались годы
И духи ада отъ меня
Бросались въ темные проходы.
Ну, добрый, старый Донъ Жуанъ,

Теперь по опыту ты видишь,
Что правъ былъ древній шарлатанъ,
Сказавшій — знай, иди и выйдешь!

(Поворачивается къ выходу)

Теперь на волю! Черезъ валь
Я вижу парусъ чьей-то лодки;
Я такъ давно не цѣловалъ
Румянца ни одной красотки.
Есть лодка, есть и человѣкъ,
А у него сестра, невѣста...
Привѣтъ, земля, любовныхъ нѣгъ
Очаровательное мѣсто!

(Входят Лепорелло, въ костюмѣ туриста, за нимъ
Американецъ и Американка)

Ба, Лепорелло!

Лепорелло

Господинъ!

Вы здѣсь? Какая цѣпь событий!
Какъ счастливъ я...

Донъ Жуанъ

Ты не одинъ?

Лепорелло (тихо)

Ахъ да, пожалуйста, молчите.

Донъ Жуанъ

Молчать? Зачѣмъ?

Лепорелло (тихо)

Я объясню

Вамъ все... (обнимая его, громко) Ахъ, другъ мой!

Донъ Жуанъ

Прочь, невѣжа!

Лепорелло

Ты гонишь?

Донъ Жуанъ

Ясно, что гоню.

Лепорелло (Американцу и Американкѣ)

Все тотъ же онъ, манеры тѣ же.

Донъ Жуанъ

Манеры? Хамъ!

Лепорелло (продолжая его обнимать, тихо)

Молчите! О!

Не бейте... (громко) Ха ха ха, не страшно!

(Къ Американцу и Американкѣ)

Не измѣнила жизнь его,

Все тотъ же милый, безшабашный!

Американецъ (тихо Лепорелло)

Но кто онъ? Какъ его зовутъ?

Донъ Жуанъ (тихо ему же)

Скажи, они дружны съ тобою?

Американка (тихо ему же, указывая на донъ Жуана)

Какъ онъ красивъ! Зачѣмъ онъ тутъ?

Лепорелло (тихо, то тѣмъ, то другимъ)

Сейчасъ, сейчасъ, я все устрою.

(Громко, становясь въ позу)

Я былъ его секретаремъ,
Мы съ нимъ скитались по Мадриду
И по Севильѣ, но потомъ
Я потерялъ его изъ виду.
О праздной молодости дни!
Они бѣгутъ, они невѣрны,
Такъ гаснутъ вечеромъ огни
Въ окнѣ привѣтливой таверны.

Донъ Жуанъ

Ну, не для всѣхъ.

Лепорелло (примирающе)

Да, для меня.

Я сталъ студентомъ Саламанки
И позабылъ день ото дня
Вино и женскія приманки.
Пилъ воду, ѣлъ засохшій хлѣбъ,
Спалъ на соломенномъ матрацѣ,
Бывало, мѣсяцами слѣпъ
Отъ ѣдкой пыли диссертаций.
Мнѣ повезло не такъ, какъ тѣмъ,
Какимъ нибудь тамъ донъ-Жуанамъ!
Сперва профессоромъ, затѣмъ
Я вскорѣ избранъ былъ деканомъ.

Американецъ (почтительно)

Мы знаемъ, да.

Лепорелло

Къ студентамъ строго,
И врагъ беспочвенныхъ утопій
Я, господа, египтологъ,
Извѣстнѣйшій во всей Европѣ.

Американка

Такъ говорилось на балахъ
Въ Чикаго.

Донъ Жуанъ

Стоило трудиться!

Лепорелло

И вотъ, когда я на ногахъ,
Я наконецъ могу жениться.

(Представляя Американку)

Миссъ Покэръ, граціи примѣръ,
Она моя невѣста, благо
Вотъ мистеръ Покэръ, миллионеръ,
Торговецъ свиньями въ Чикаго.

(Представляя донъ Жуана)

Друзья мои, вотъ донъ Жуанъ,
Другъ юности моей безпечной,
Онъ иногда бываетъ пьянъ,
И малый грубый... но сердечный.

Американецъ

Чтожъ, мистеръ донъ Жуанъ, вы насъ,
Сойдясь, полюбите навѣрно...
Скажите мнѣ, который часъ
На вашихъ, у меня невѣрны.

(Указывая на Американку)

Моя единственная дочь.
Мать умерла, она на волѣ,
Но съ нею я; она точь въ точь
Моя скончавшаяся Полли.
Теперь уѣхалъ я на югъ,
Но все не позабыть утраты!
Скажите мнѣ, мой юный другъ,
Ужель еще вы не женаты?

Донъ Жуанъ (подходя къ Американкѣ)
Сеньора!

Американка (поправляя его)

Миссъ.

Донъ Жуанъ (настаивая)

Сеньора!

Американка (по прежнему)

Миссъ!

Я не желаю быть сеньорой!

Донъ Жуанъ

Сойдемте три ступеньки внизъ.

Американка

Вы донъ Жуанъ? Ну, тотъ, который?..

Донъ Жуанъ

Да, тотъ, который!

Американка

И съ тѣхъ поръ
Вы въ мірѣ первый разъ явились?

Донъ Жуанъ

Да, въ первый... старый командоръ
Вцѣпился крѣпко... Вы мнѣ снились.

Американка

Не вѣрю вамъ.

Донъ Жуанъ (мечтательно)

Земля во мглѣ;
Задумчивое устье Нила,
И я плыву на кораблѣ,
Гдѣ вы сидите у вѣтрила.
Иль чуть замѣтный свѣтъ зари,
Застывшій городъ, звонъ фонтана,
И вы мнѣ шепчете:— смотри,
Вотъ здѣсь могила донъ Жуана.

Лепорелло (подозрительно)

О чемъ здѣсь рѣчь?

Донъ Жуанъ

О томъ, что ты
Давно оставилъ.

Американка

Не мѣшайте.

Американецъ (разсматривая памятникъ)
Какіе странные листы!
(Лепорелло отходить къ нему)

Американка (донъ Жуану)
Какъ вѣрить вамъ? Но продолжайте.

Донъ Жуанъ
Я лгу? Не вѣрите вы мнѣ?
Но знаю я, что ваши плечи,
— Я цѣловалъ ужъ ихъ во снѣ —
Нѣжны, какъ восковыя свѣчи.
А эта грудь! Ее хранятъ
Теперь завистливыя ткани,
На ней есть синихъ жилокъ рядъ
Капризныхъ, милыхъ очертаній.
Повѣрьте! Мнѣ бъ хотѣлось лгать
И быть холоднымъ, быть коварнымъ,
Но только бъ, только бъ не страдать
Предъ вашимъ взглядомъ лучезарнымъ.

Американка
И мнѣ такъ родствененъ вашъ видъ:
Я все бывала на Моцартѣ
И любовалась на Мадридъ
По старенькой учебной картѣ.

Американецъ (Лепорелло, указывая на саргофагъ)
Скажите, мой ученый другъ,
Кто здѣсь положень?

Лепорелло
Сети третій.
(Про себя, глядя на донъ Жуана и Американку)
Они, ну прямо вонъ изъ рукъ!

Американецъ

Какъ вы его назвали?

Лепорелло

Сети.

Американецъ

Гмъ, гмъ!

Лепорелло (хочетъ отойти)

Сейчасъ.

Американецъ

Скажите, какъ

Вы знаете его названье?

Лепорелло

Ахъ, Боже мой, а этотъ знакъ!

Забавно было бы незнанье.

Американецъ

Да, да, еще бы! Ну, а тотъ,

На пьедесталѣ съ мордой мопса?

Лепорелло

А, это сынъ луны, богъ Тотъ

И кажется времянь Хеопса.

Конечно! Сдѣланъ лобъ горбомъ,

А темя плоскимъ и покатымъ,

Такихъ не дѣлали потомъ

Хотя бь при Псаметихъ пятомъ.
А вотъ четвертый Псаметихъ
На Сети первого похожій...
А вотъ еще... (отходить съ Американцемъ)

Донъ Жуанъ (Американкъ)

Онъ вашъ женихъ?

Американка

Кто?

Донъ Жуанъ

Лепорелло.

Американка

Ну такъ что же?

Съ приданымъ я, онъ знаменитъ
Какъ самый знающій ученый,
Онъ никого не удивитъ,
Причесанный и прирученный.
Пусть для него я молода,
Но сила, юность и отвага
Не посѣщаютъ никогда
Салоновъ нашего Чикаго.

Донъ Жуанъ

Но онъ лакей, всегда лакей,
Въ сукнѣ ливрейнаго кафтана
И въ гордой мантии своей,
Въ пурпурной мантии декана.
Страшась чего нибудь не знать,
Грызаясь за почести съ другими,
Какъ песь, онъ долженъ защищать

Годами созданное имя.
Къ природѣ глухъ и къ жизни слѣпъ
Моль библиотекъ позабытыхъ,
Онъ заключить васъ въ темный склепъ,
Крикливыхъ словъ и чувствъ изжитыхъ.
Нѣтъ, есть огонь у васъ въ крови,
Вы перемѣните причуду...

Американка

Не говорите о любви!

Донъ Жуанъ

Не говорить? Нѣтъ, буду, буду!
Такихъ какъ вы на свѣтѣ нѣтъ,
Вы — ангель нѣги и печали...

Американка

Не говорите такъ, нѣтъ, нѣтъ.

(Пауза)

Ну вотъ, ужъ вы и замолчали?

Донъ Жуанъ (схватывая ее за руку)

Я васъ люблю!

Ле порелло (Американцу, косясь на донъ Жуана)

Пройдемъ сюда.

Я вамъ скажу про донъ Жуана;
Мнѣ кажется, на путь труда
Онъ вступитъ поздно или рано.
Охотно водится съ нимъ знать,
Какъ свой онъ принять въ высшемъ свѣтѣ,

Ну почему бь ему не стать
Адьюнктомъ въ университетѣ.
Но онъ едва ль не слишкомъ живъ,
Чтобъ быть въ святилищѣ науки,
Такъ мысль о высшемъ отложивъ,
Дадимъ ему мы дѣло въ руки.
Быть можетъ, пригодится онъ
Какъ управляющій въ саваннахъ,
Всегда верхомъ, вооруженъ,
Въ разьѣздахъ, въ стычкахъ безпрестанныхъ.
Окажется полезень вамъ
И можетъ сдѣлать положенье,
Ему я это передамъ
И какъ прямое предложенье.

(Американецъ бормочеть что-то несвязное).

Донъ Жуанъ (Американкъ)

Я васъ люблю! Уйдемъ! Уйдемъ!
Вы знаете ль, какъ пахнуть розы,
Когда ихъ нюхаютъ вдвоемъ
И въ небесахъ звенятъ стрекозы.
Вы знаете ль, какъ страненъ лугъ,
Какъ призраченъ туманъ молочный,
Когда въ него васъ вводитъ другъ
Для наслажденій, въ часъ урочный.
Побѣдоносная любовь
Насъ коронуетъ безъ короны
И превращаетъ въ пламя кровь
И въ пѣсню — лепетъ иступленный.
Мой конь — удача изъ удачъ,
Онъ бѣлоснѣжный, величавый,
Когда пускается онъ вскачь,
То гулъ копытъ зовется славой.
Я былъ въ аду, я сатанѣ

Смотрѣлъ въ лицо, и вновь я въ мѣрѣ,
И стало только слаще мнѣ,
Мои глаза открылись шире.
И вотъ теперь я встрѣтилъ васъ,
Единственную во вселенной,
Чтобъ стали вы — о сладкій часъ!
Моей царицею и плѣнницей.
Я опьяненъ, я васъ люблю,
Такъ только боги были пьяны,
Какъ будетъ сладко кораблю
Насъ уносить въ иныя страны.
Идемъ, идемъ!

Американка

Я не хочу!..
Нѣтъ, я хочу! О милый, милый!

Донъ Жуанъ (обнимая ее)

Тебя я счастьемъ научу
И надъ твоей умру могилой.

(Уходятъ)

Лепорелло (оглядываясь)

Но гдѣ миссъ Покеръ, гдѣ Жуанъ?

Американецъ

Навѣрное въ сосѣдней залѣ.

Лепорелло (хватаясь за голову)

Ахъ я розиня, ахъ болванъ,
Все прозѣвалъ, они бѣжали.

Американецъ

Куда?

Лепорелло

Да вѣрно на лужокъ,
Иль на тѣнистую опушку.
Тю-тю! Теперь ужъ пастушокъ
Ласкаетъ милую пастушку.

Американецъ

Да вы съ ума сошли!

Лепорелло

Ничуть!

Американецъ

Идемъ.

Лепорелло

А шпаги не хотите ль?
Вѣдь донъ Жуанъ не кто-нибудь,
Онъ самъ севильскій соблазнитель.

Американецъ

Но я ихъ видѣлъ здѣсь, минутъ
Ну пять тому назадъ, не болѣ...

(закрываетъ лицо руками)

Когда настанетъ Страшный Судъ,
Что я моей отвѣчу Полли?
Идемъ, идемъ скорѣй.

Лепорелло

Ей, ей,

Я твердо помню: Лепорелло,
Желаешь спи, желаешь пей,
А не въ свое не суйся дѣло.
И былъ я счастливъ, сытъ и пьянъ,
И умирать казалось рано...
О какъ хотѣлъ бы я, деканъ,
Опять служить у донъ Жуана!

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

* Ангель-Хранитель	7
* Двѣ розы	9
Дѣвушка	10
На морѣ	11
Сомнѣніе	12
Сонъ	13
Отрывокъ	15
Тотъ другой	16
Вѣчное	17
Константинополь	19
Современность	21
Сонетъ	22
* Однажды вечеромъ	23
* Она	24
Жизнь	26
Изъ логова зміея	27

II

Я вѣрилъ, я думалъ	31
Ослѣпительное	33
* Родосъ	35
Паломникъ	37
* Жестокой	40
* Любовь	42
* Баллада	44
Укротитель звѣрей	46
Отравленный	48
У камина	50
Маргарита	52
* Оборванецъ	54
Туркестанскіе генералы	56

Абиссинскія пѣсни:

1. Военная	58
2. Пять быковъ	60
3. Невольничья	62
4. Занзибарскія дѣвушки	64

III. ИЗЪ ТЕОФИЛЯ ГОТЪЕ

* На берегу моря	69
Искусство	70
Анакреонтическая пѣсенка	73
Рондолла	75
Гиппопотамъ	78

IV. ПОЭМЫ

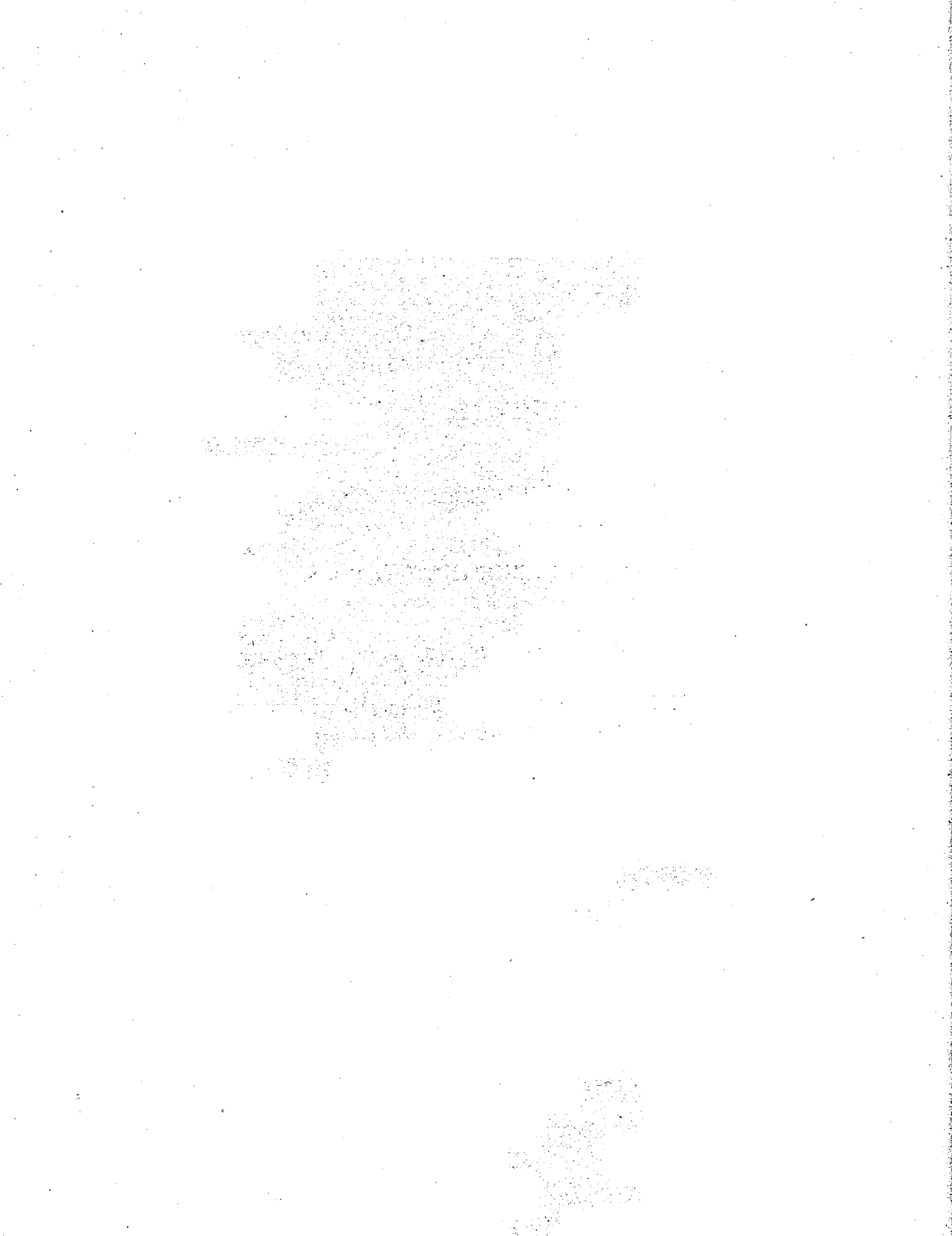
* Блудный сынъ	81
Открытiе Америки	89

V

* Донъ-Жуанъ въ Египтѣ	101
----------------------------------	-----

Оглавленiе	119
----------------------	-----

Стихотворенiя, отмѣченныя *, появляются въ печати впервые.

КНИГИ Н. ГУМИЛЕВА:

ПУТЬ КОНКВИСТАДОРОВЪ. Стихи. СПб., 1905.
(Разошлось).

РОМАНТИЧЕСКІЕ ЦВѢТЫ. Стихи. Парижъ, 1908.
(Разошлось).

ЖЕМЧУГА. Стихи. Изд. „Скорпіонъ“, М. 1910. Ц. і р. 50 к.

КНИГА БАЛЛАДЪ. Стихи. Изд. „Цехъ Поэтовъ“.
СПб., 1912. (Готовятся).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ
III годъ изданія
НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
„АПОЛЛОНЪ“

Въ 1912 г. художественно-литературный журналъ „Аполлонъ“ выходитъ 10-ю выпусками, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, съ большимъ количествомъ репродукцій (въ краскахъ, фото- и автотипией и т. д.) произведений русскихъ и иностранныхъ художниковъ (по 40—45 репродукцій въ каждомъ выпускѣ), причемъ эти иллюстраціи сопровождаются статьями и представляютъ или творчество отдѣльныхъ мастеровъ, или художественное направленіе, или выставку, частное собраніе и т. п. Въ журналѣ помѣщаются также статьи общаго характера по вопросамъ живописи, зодчества, скульптуры, поэзіи, литературы, театра, музыки, танца, въ особенности же — статьи, освѣщающія современныя исканія въ области искусства въ связи съ художественнымъ наслѣдіемъ прошлаго. Въ теченіе 1911 г. было помѣщено болѣе 450 автотипій, 15 цвѣтныхъ автотипій (въ 3 и 4 краски), 12 фототипій на отдѣльныхъ листахъ и множество рисунковъ въ текстѣ.

Широко поставленная хроника „Аполлона“ даетъ своевременную картину жизни искусства въ Россіи и за границей. Въ теченіе мѣсяцевъ январь — апрѣль и сентябрь — декабрь подписчикамъ русская хроника — подъ названіемъ „Русская Художественная Лѣтопись“ — разсылается два раза въ мѣсяць — каждое 1-е и 15-е число (отдѣльно отъ журнала).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

на журналъ „Аполлонъ“ вмѣстѣ съ Русской Художественной Лѣтописью“:

На 1 годъ 10 р. съ достав. и перес. 9 р. безъ доставки, за границу 15 р.
„ 1/2 „ 6 „ „ „ „ 5 „ „ „ „ 8 „

Разсрочка: 5 р. при подпискѣ, 3 р. къ 25 Марта, къ 1 Мая — остальное.
„Русская Художественная Лѣтопись“ отдѣльно — 4 р. въ годъ.

Отдѣльные №№ журнала „Аполлонъ“ въ розничную продажу поступаютъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, по цѣнѣ 2 р. за №, только въ Главной Конторѣ.

Цѣна оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ, въ небольшомъ количествѣ, годовыхъ экземпляровъ — 15 р. съ пересылкой, въ переплетахъ — 18 р. Иллюстрированныя проспекты высылаются Главной Конторой бесплатно.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ — С.-Петербурѣ, Мойка, № 24, кв. 6, тел. 178-69; въ отдѣл. Конторы — Москва, книжн. магаз. „Образованіе“ (Кузнецкій мостъ, д. кв. Гагариной), нотный магазинъ „Россійскаго Музыкальнаго Издательства въ Берлинѣ“ (Кузнецкій мостъ, д. бр. Дзамгаровыхъ); Кіевъ, книжный магаз. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29); Ковно, книжн. магаз. Рутскаго; Варшава, кн. т-во „Орость“, Новый Свѣтъ, 70; Саратовъ, книжн. магаз. „Основа“ (Нѣмецкая ул.), въ главныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи, а также во всѣхъ иногороднихъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

Издатели: С. К. Маковскій.
М. К. Ушковъ.

Редакторы: Сергѣй Маковскій.
бар. Н. Н. Врангель.

„АПОЛЛОНЪ“

ИЗДАТЕЛЬСТВО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОЙКА, 24, КВ. 6, ТЕЛЕФОНЪ 178-69.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Кн. СЕРГѢЙ ВОЛКОНСКІЙ. — Человѣкъ на сценѣ (Содержаніе: Въ защиту актерской техники; „Донъ Жуанъ“ и „Мокрое“; Красота и Правда на сценѣ — театръ Макса Рейнгардта; Человѣкъ, какъ матеріалъ искусства; Человѣкъ и ритмъ — система и школа Жака Далькроза). Ц. 1 р. 50 к.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ (СергѢй Ауслендеръ — „Ставка князя Матвѣя“, разсказъ; Incitatus — „Sabinula“, разсказъ; М. Кузминъ — „Ванина родинка“, разсказъ; Владиміръ Эльснеръ — „Самсонъ и Далила“, разсказъ; АлексѢй Ремизовъ — „Дѣйство о Георгии Храбромъ“; стихотворенія Анны Ахматовой, К. Бальмонта, Александра Блока, Андрея Бѣлаго, Максимилиана Волошина, Н. Гумилева, М. Зенкевича, Incitatus, М. Кузмина, Бенедикта Лившица, О. Мандельштама, М. Моравской). Ц. 2 р.

СЕРГѢЙ АУСЛЕНДЕРЪ. — Разказы, книга вторая („Ночной Принцъ“, „Роза подо льдомъ“, „Филимоновъ день“, „Филимонъ-Флейщикъ“, „Туфелька Нелидовой“, „Ставка князя Матвѣя“, „Гансъ Вреденъ“, „У фабрики“, „Пастораль“, „Веселыя святки“). Ц. 1 р. 50 к.

Кн. СЕРГѢЙ ВОЛКОНСКІЙ. — Разговоры (I. „Разговоры“; II. „Опредѣленія“; III. „Нева“; IV. „Пріемный день“; V. „Черноземъ“; VI. „Былое—Павловка“; VII. „Звѣзды“; VIII. „Былое—Фалль“; IX. „Вокругъ свѣта“; X. „За рубежами“; XI. „Сумасшедшій“; XII. „Вечеръ мелоластики“). Ц. 1 р. 50 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ И ПЕЧАТАЮТСЯ
СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Бар. Н. Н. ВРАНГЕЛЬ — Мертвымъ вѣнецъ (собраніе статей).

СЕРГѢЙ МАКОВСКІЙ — Страницы художественной критики, кн. III.

ВЯЧ. Г. КАРАТЫГИНЪ — Творчество Римскаго-Корсакова.

Ж. д'УДИНЕ — Искусство и жестъ, перев. кн. С. Волконскаго.

Монографія о творчествѣ К. А. СОМОВА. Роскошное изданіе въ огранич. колич. экземпляровъ (100 воспроизведеній гелиографурой, фото- и автотипией).

Матеріалы къ исторіи вандализма въ Россіи. Книга I, подъ редакцію Сергѣя Маковскаго и бар. Н. Н. Врангеля, при участіи А. А. Ростиславова.

Подписчики журнала „Аполлонъ“ пользуются 25% скидкой. Лица, выписывающія непосредственно изъ конторы издательства (С.-Петербургъ, Мойка, 24, телефонъ 178-69), за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ 30% уступки.

